

Людмила Колодяжная

***“Я слово рисовала, словно вензель,
напоминавший облака абрис...”***

Стихотворения из шести книг (1999-2001)

МОСКВА, 2001

© Колодяжная Л. – автор, 2001

© Кудрявцев Е. – графика, 2001

СОДЕРЖАНИЕ

Из книги “Слух к звуку далекому ластится”

Полет ласточки

“Так легко погубить тишиной...”

“То, что в памяти я утеряю...”

Тень Эвридики

“Наша встреча – игра...”

“Когда меня провели через сад...”

Плат Вероники

Памяти Марины Цветаевой

“Ангелы Божьи, кажется, словно...”

Филипповский пост

Благословенна...

“Вернись –к папирусно-папирсной...”

“Ветки быстрые бьются о тьму...”
“И приходит час этот долгий, когда...”

Из книги “Но спасен – до конца претерпевший”

Кана Галилейская
Голгофа
Пасхальное утро
“Что в душе отозвалось...”
“Утром летним, дождливым, ранним-то...”
“Слова, поникшие как травы...”
“К столу письменному подхожу...”
“Высказав все, становишься кротче...”

Из книги “Вечности проблеск”

“Вселенная упрямая – упруга...”
Букет хризантем
“Руки, изгибы-излуки...”
“Былинку-звук, как ветку птица...”
Твои глаза
“Давних теней, огня – тихая вспыхнет битва...”
“Как медленно стынет огонь этих строк...”
“Пламя раздвигает створки тьмы...”
“Не распутаны узы словесные, сети...”
“Голоса ломкое жало...”
“Взгляд мой, отлучен...”
“Вестью – очерк лесной...”
Святой Георгий
Русская земля
“Жалобный – женами путь освоен...”

“Мы кружим по воздушной тропе...”
“Ра-зл-ук-а – звук из зла и укола...”
“Слова – пути, мы троп чужих скитальцы...”
“Молитвою твоей защищена...”
Натюрморт
“Ты вернешься, молчанием полный...”

Из книги “Слов твоих пало время”

“Сняв новогодний спелый снежок...”
“В ласковых строках-пальцах...”
“Птица, став для облака утратой...”
“Дни окованы днями...”
“Тише – душе я сказал...”
“Кто замечает? Ты, да я...”
“Солнце – веткой тишины, снег-иней...”
“Как Иов, ждем, разорены...”
“Причитала, шепча, говорила с тобой...”
“Древо усталостью сгложет...”
“Из камышовых дружных дужек...”
“Урок высокий, минутный тает...”
“Каждого ждет воздаянье по вере...”
“Распутав строк хрустящий вереск...”
“Нарисуй мне медленно оленя...”
“Так песни не ждут...”
“Тетради трудная ладья...”
“Облако уступит высоту...”

Из книги “Дням и стихам, стихающим так поздно”

“Дням и стихам, стихающим так поздно...”

“Возьми лозы связующие соки...”
“Срастаясь с лирой вересковой...”
“Ты ищешь дом, где я жила...”
“Зимнего гимна вызов туманный...”
“Рая вчерашнего вспомнится...”
“Ладошек подошвы – робкие лани...”
“Будущее – ждущий кокон...”
“Отчего коротки слов отголоски...”
“Глоток – долька влаги – до чуда...”
“Ты родился – под лучшей пастушьей звездой...”
“Разлука – туга-дуга...”
“Ночь-память благодарна...”
“Остоженка, жестокий дым...”
“О, не стирай старинный мед...”
“Уронит в сердце холод ранний...”
“Спешу, скользя, по лезвию позёмки...”
“Ангел в тучах, в лучах, иль около...”

Из стихотворений 2001 года

“...как в *то* время, как в *тех* далях...”

Свеча

Лермонтов

Прелюдия Баха BWV639

“Веточка в точеном кувшине...”

“Тишайшим стражем – стебель слова ожил...”

“Кольца дней, ровный срез, бег...”

“Оркестра морем плеск прибрежный...”

“Мир, прочтенный от аз до ижицы...”

Час бессонницы жесток...”

“Встречи не ждем...”

“Средь влажных лип в перелесках темных...”

“Свет тебе брезжит даже во тьме...”
“Ты здесь...”
“Поцелуй на ладони печатью бессилья...”
“Душа болит иной былиной...”
“Ни воды и ни хлеба, лишь слова ты просишь...”
“Вот оно, небо звездное твоей Вечери...”
“Скорби-мои, плачи-мои умножатся...”
“Помнишь, мы разделили небо...”
Уход
“Тенью дней проденешься, придешь в срок...”
Царевич
“В подземелье теней...”
“То, что плачет во мне, назови...”
“Уеду я в край предальний...”
“Придумаешь имя, но никому не скажешь...”
“Если утро, вздохи реже...”
“Уезжая, жалеть буду...”
“Бог оставил рядом с облаком птицу...”

Из Бостонского дневника 11 сентября – 30 октября 2001

Время свешивается с башни,
11 сентября, 2001 года
Листьев бесшумные шхуны,
Колыбельная
Мыс Манхэттена
Вторая Колыбельная
Я хочу, чтобы, как к тропе,
19 октября
Благословенье Бога – кроткий луч,

Над каждою бездною земною
Горный воздух смертельно разрежен
Посвящается Марии
Слово помнит высокий шесток,
Нет, голгофа-земля перед нами
Книгу об ангелах читаю,
Лён полотенца, восковая свечка
Если будет дано умереть на святом месте,

Из книги “Слух к звуку далекому ластится”

Полет ласточки

Слух – к звуку далекому ластится.
Звук – тающий шлейф за касаткой.
Полет по касательной ласточки –
Лишь суть бытия и порядка.

А ласточка – часть, средоточие,
Комочек в небесной пучине...
Пунктирами звуков простроченный –
Простор вдруг провис паутиной,

Из голоса слаженной сетью,
Ловушкою рвущейся, тающей,
Служащей преградой для света,
Но – ангелов пропускающей,
Той сетью, что тянется волоком,
Себя задевая, как эхо,

В которой запуталось облако
И встало над жизнью, как вежа.

Слух ластится к звуку далекому,
Звук – шлейф за касаткою тающий,
Арканящий легкое облако,
Но – ангелов пропускающий.

Тень Эвридики

Тьма, ткущая тающий свет,
След теряющая, как волчица,
За плачем, плащом орфеевым вслед,
Одичавшая тень Эвридики влачится,

Тянется к жизни, ставшей чужой,
Тень – Божий штрих среди штрихов несметных,
Плачем оплаченная – облакается душой,
Причисляется к бликам бессмертным,

Пылинка, срез – без печати лица,
Увлекаемая к жизни волей чужою,
Былинка, остановленная взглядом певца,
Нить, успевающая одеться душою...

Ткущая тающий свет темнота,
Луча теряющая влекущий волос,
Душу обретающая пустота,
Тень, вбирающая поющий голос...

Плат Вероники

Тень моя на твоём пути – тоже
веха, которая ждёт, тревожит,
как
ориентир, осторожный знак

беды, или счастья... Знает кто же?
Время меня, иль пространство сгложет,
оставляя неизменной дистанцию –
в годах, если время, в милях, если пространство...

Веха, ветвь... Подними, урони-ка,
как различить-то издалика,
имя ли тронет мое – Вероника,
незаживающая веха

рана, льнущая к дням легенда,
плат, продетый в ущелье-ушко
времени, ставший нетленною лентой –
эхо легенды летит далеко...

Тысячелетия стали далью,
стынет, тянется имя-вдох,
тени событий длиннее стали
в линзе льющихся вех-эпох.
Тенью тянусь я ночью и днём...
Кто я для тьмы? – одна из заплат...

Верная времени тень – нетленна,
верный тени – нетленен плат.

Филипповский пост

Ладони-бабочки жмутся к огню.
Теплом – одиночество слижет.
Время пробирается к апостольскому
дню – все ближе.

К точке,
дающей равновесие календарю,
к строчке,
которую наугад творю
на разлинованном листочке,

к стиху, из строчек сплетенному,
к строке-пути в бездорожье,
к стиху, скрепленному
только – дыханием Божьим...

К ладану, медленному огню
лампы-лампады,
к началу зимы, непорочному дню –
Апостола-брата...

Из книги “Но спасен – до конца претерпевший”

* * *

К столу письменному подхожу

ангелом босоножым,
словно, к подножью
Божьему –
смуту бумажную ворошу...

страница – источник, средоточье уст,
заповеди Божьи говорящих,
строка, парящая,
как ветвь горящая,
страница-пустынница, словно куст...

Слушать, слышать – одна должна...
ухожу от толпы рассеянной
шагом, жаждущим, Моисеевым –
за словами – растерянная
тишина...

Мир становится тих и пуст –
Все вбирает земные речи
Бог – говорящий терновый куст,
куст-предтеча –
вечности...

* * *

Высказав все, становишься кротче,
Краткость-сестра готова к услугам,
Если жизнь с каждым днем короче,
Строк завиток должен быть упругим,

Чтобы пружина его разрывала
Латанный плач тишины сердечной,
Чтобы строка до конца не знала,
Чем она станет – молчаньем, речью,

Жизнью, влачащейся так, без дела,
Той, что не признана, вдруг затихнет,
Далью, помнящей – нет предела,
Нить горизонта – зов не достигнет...

Сердца комочек отмечен свыше
Дальним родством с округой, простором,
Речью, еще непривычной, в которой
Свежесть разреженной вечности слышишь...

Из книги “Вечности проблеск”

* * *

Былинку-звук, как ветку птица,
влеку к тенистому сплетенью
строк прислонившихся к странице,
я отделяю свет от тени,
и слово влажное двоится,

и в слове каждом – даль сырая,
что за окном венком повисла,
и в бездне-вышине скрывает
оттенки будущего смысла,
который, может быть, и нужен –
изгнанник дней, житейской прозы,
глубин морских метаморфоза,
чуть розоватый брат жемчужин...

Не удивляйся, что нет связи
меж словом и былою тайной,
звук – прах, песок, я резвой вязью
восполню время ожиданья,
в ладонях тишину сжимая,
огонь ли, боль – лечу прохладой,
огонь и боль... И знать не надо
того, что о тебе не знаю...

* * *

Как медленно стынет

Огонь этих строк,
Разлука – пустыня,
Где время – песок,

Простор, бесконечность,
Где с разных сторон
Друг к другу навстречу
День каждый идем.
Дней этих потерю
Никто не вернет,

Душою лишь верим,
Что Бог нас сведет,

(Горячая почва,
Твой образ-мираж) –
В единственной точке,
Где ангел, как страж,

Где нам, одолевшим
Безумную даль,
Всей жизни сгоревшей
Там – будет не жаль,

Той жизни-пустыни,
Где время - песок,
Где медленно стынет
Огонь этих строк.

* * *

Не распутаны узы

словесные, сети,
неисповедимы не пройденные пути,

с точки зрения музыки,
строки эти,
Орфей мой ласковый, не суди,

радуйся! душе-эвридике,
– просторно

на молчании-рубеже,

безлистные – тихи,
растеряны кроны,
бессловесной – глуше душе,

отговорившие уроним
сети – вместе,
не пройденный путь – осязаемый успех,

слова не тронув,
умножим жесты
ветвей, навеки влекомых вверх...

С точки зрения музыки,
строки эти,
Орфей мой ласковый, не суди,

не распутаны узы
словесные, сети,
неисповедимы не пройденные пути...

* * *

Взгляд мой, отлучен,
стал в пространство влюбчив,
горизонта зонт
ждет, дождем обижен.
В даль, родней, чем близь,
кличется: “Голубчик! –

выдержу ли жизнь,
где тебя не вижу?”
Дали уголок
от разлуки – гулок.
Взгляду ли легко
влиться в доли-лазы?
Шага отпечаток,
где свернул в проулок –
горестно и сладко
стало сердцу разом.
Паутины тоньше ветра
вольный волос...
День прожит, пустующий,
где тебя не вижу...
Путаницей веток
твой затоплен голос,
тайнообразующих –
херувимы иже...

* * *

Мы кружим
по воздушной тропе,
сонным солнцем чужим
освещенные,
каждый шагом, молитвой – к судьбе
обращенные.

В дни-отдушины –
падает вниз

камень, сердце иль слово,
остывши,
над воздушной
тропою склонись,
словно
тяжесть былую забывши.

Ветра слушай
осмысленный свист,
наблюдай лепестка
дольку-лопасть,
словно души,
сорвемся, как лист,
даль легка,
как осенняя пропасть...

По воздушной тропе,
чуть дыша,
я иду,
сонным солнцем залита,
отводящий беду,
каждый шаг
обращен к Тебе,
как молитва...

* * *

Молитвою твоей

защищена
от пустоты – от троп безвестных
ада...

Слов бестелесных
немошна стена –
для сети-смерти – нет живой
преграды...

Нет скорбнее и проще
рубежа –
чем створки рук, восставших
для полета...

Воронка раны все еще
свежа
на слове, ставшем
беженкою-плотью.

Долина раны все еще видна
в ладонях-листьях бедных
рук-ветвей...

От жизни-казни я защищена
последнею
молитвою твоей.

Из книги “Слов твоих пало бремя”

* * *

Смяв новогодний спелый

снежок,
время смело
целый
шажок
сделало –
к вечности, мой дружок.

Мне за временем
не поспеть,
даже – бремя
строки, как плеть,
поднимая,
подгоняя
слова, чтоб петь,
даже – на цыпочки в рост
вставая,
вечности – не увидеть хвост,
пересекающий
пространства холст,

оставляющий
колею-след –
слепок будущих
моих лет,
образ кружащих
надо мной бед.

Новогодний рыжий
снежок – упруг...
Время ближе
на год, на круг
стало – к вечности, слышишь,
друг...

* * *

В ласковых строках-пальцах
голос твой не прервется
шелковым коконом в пальцах
бабочкой-ниточкой вьется.

Запоминаю линии –
крыльев углы, овалы,
согнанные с луговины,
где времени не бывало...

Если б не голос-случай,
в вечность сойдя, не узнала б,
что имя певца – певуче –
с конца ли читать, с начала...

Пропой же, пока не поздно –
обрывок строки, словцо ли...
Ладонь рассекает воздух
и пальцы пестрят пылью...

Строки привечает поручень,
чтоб мы наклонились, каясь,
чтоб счастье катилось обручем,
и мы – за ним, задыхаясь...

Голос в ласковых пальцах,
верный мне – не прервется –
шелком на строках пядьцах,
ниточкой-бабочкой бьется...

Посвящается Анне

Птица, став для облака утратой,
Тенью протянулась рядом с веткой,
Оставляя – ветки тень – крылатой
Пленницей в узорах кроны-клетки,

То, что вспоминаешь, вьется вестью,
Разрывая плача оболочку –
Девочка целует на ночь крестик,
Ниспадает с плечика цепочка,

Серебра – к ладошке – блик прижатый,
От теней рисунок в ночь качнется –
Словно от движений угловатых –
Странник с Елеона вознесется,

Странника полет повторит птица,

Становясь для облака утратой,
Оставляя на весь сон – крылатой
Девочку, как ветку на странице...

Девочка целует на ночь крестик,
Ниспадает с плечика цепочка,
То, что вспоминаешь, вьется вестью,
Разрывая плача оболочку –

Вестью для покинутых – утратой,
Обретаемой в мольбах-напевах,
Веткой-тенью каждого – крылатой
Птицей – в кроне жизни, рая, древа...

* * *

Дни окованы днями,
Слово скрывается словом,
Клонится лист кленовый,
Ангел крылья роняет...

К весям свисает осень,
Осень, что без усилья
Травы дождями косит...
Листьев пылают крылья...

Сквозь темный ворох веток
Вспыхнет контур обманный,

Бог проникая светом,
Ловит петлей тумана,

Царствует, шарит, ищет,
Ждет твой призыв негромкий,
Птичьим замучен кличем,
Листьев кромсает кромки.

К ветви, святой, как мощи,
Ветер припал... Тревожной
Жизни, прозрачной роща –
Свет поджидает Божий.

* * *

Тише –
душе я сказал –
ритма иного не требуй,
видишь,
как влажно
связал
вязью дождя
тебя с небом?

Что ты, далекая,
ждешь –
счастья, упрека,
совета?
Стрелами вытянут
дождь,

ломкими нитями
света...

Пряжа живая летит,
рвется на капли
в мученьях...
Вряд ли –
иные пути
лучше пути
отречения...

Прошлого луч
теребя,
прежнюю мучая
пряжу,
знаю, душа моя, скажешь –
я отреклась от себя...

* * *

***“Подняв глаза, преподобный Серафим
увидел Господа Иисуса Христа,
идущего по воздуху от западных дверей храма...”***

Причитала, шепча, говорила с тобой,

чтоб строфы сырой серпантин

торопил крутой пропадать тропой,
где б крылом сокрыл серафим –

восходящих всех колеею слёз...
Где березов Троицын шест,

где алтарный путь пролагает Христос,
осеняющий медля жест,

застывая Виденьем недвижим в глазах
того, кто пришел в Саров...

Чтобы соль благодати была в слезах
всех, кто молится, кто суров...

Говорила с тобой, причитала, шепча,
чтоб сырой серпантин строфы

серафимом вился бы у плеча,
обрываясь венцом тропы...

* * *

Облако уступит высоту

ангелу, что оступившись птицей,
осыпает перья
на мосту
строк, растерянно
верстающих версту –

кроной опрокинутой – страницы...

Птица уступает высоту
голосу, который то лепечет,
вышивая
веточку-черту,
то колышет
крылышек чету,
пышно перечеркивая вечер...

Голос уступает высоту
облаку – с карминовой
рамкой –
строчек, что погибнут
на ветру,
если не подденет на лету
птица, оступившаяся – ангелом...

Ангел уступает высоту
облаку, что облачившись птицей,
голосом растянется в черту
строчек на раскинутых страницах...

Из книги “Дням и стихам, стихающим так поздно”

* * *

Дням и стихам,
стихающим так поздно,
к утру трудов, от горечи в плечах,

дням и стихам,
расхищенным по звездным,
страницу прорицающим – лучам,

дням и стихам –
неоцененным птицам,
путь к долу одолевшим, как полёт,

дням и стихам,
прославившим в странице,
обломки слов-зеркал – блеск-лёд...

Моим стихам –
в Твоем доме – бездомным,
звучащим без призыва (коль не ждут...),

моим стихам –
Твоей рукой ведомым –
подыщется ль пристанище-приют?

* * *

***“Ты ищешь дом, где родилась я – или
В котором я умру.” М. Цветаева***

Ты ищешь дом,

где я жила,

где медлил сон,
как мед пролитый,
где утра,
ревностно, игла
вшивала мудро –
шелк молитвы...

Где горней
музыки хорал
спасал от хвори
и от страха,
где отрок-школьник
разбирал
шестнадцатые доли
Баха...

Где жизни венчик
золотой
катился к вечному
покою,
и влек
меня по жизни той
рок-отрок легкою
рукою...

Борясь, как вербы
на ветру,
шли строки первые

в тетради,
и вился склон
паркетной пряди...

Ты ищешь дом,
где я умру...

* * *

***“Как от блеска дивной ризы,
Стало в горнице светло.”***

А. Ахматова

Рая вчерашнего
вспомнится –
горница,
в башне,
где горлица
тишины капризной
клонится-
дышит ризой...

Икон-
складней благолепие –
под потолком
горбится
горней цепью...

Досок треснувших
кисея-иней –

древности
паутина –
с ветром борется,
как риза затворницы,
от которой
светло в горнице...

* * *

“Ладонь. Подошва, лишенная почвы...”

Райнер Рильке

Ладошек
подошвы –
робкие
лани –
замирали,
меркли в скобках
твоих ладоней-дланей...
Воздуха морозный куст
был пуст,
дыма ручей –
лишь обозначен,
прозрачен –
пристанище
для лучей
играющих...
Помнишь – с ладошек
днем зимним
стирал линии,

уничтожая прошлого
рисунок лучистый...
Чертил – новые,
сравнивая с кленовыми
листьями,
чтобы – созданное тобою
совпадало с судьбою...
Ладонки-крошки,
безвольные,
с болью
сброшены –
с раздольных
троп твоих ладоней...
Рисунок лучистый чист –
знак изнанки, кленовый лист...

* * *

***“...там сидели мы и плакали,
когда вспоминали...” Псалом 136***

Отчего коротки
слов отголоски –
отчего, кроткий
мой, ты грустен,
проходя берегом

реки вавилонской,

раскидывая вереском
тропинки узкие,
не помня истока их,
не зная устья...

Воспоминанье упрямое
прячешь,
окутывая ткань его
забвенья шарфом...

Отчего, привороженный
водою, плачешь,
звуку веря – брошенной
на вербу – арфы...

Дыма о'тчего
вспоминаешь
пламень...

Отчего',
словами питая душу,
не разбиваешь
о камень –
слова чуждые...

* * *

**Ты родился –
под лучшей
пастушей
Звездой... Бился –
до последнего слога –
в воздушной
сети ее лучей,
казалось – ничьей,
оказалось – Бога...**

Пока мы месили
снежную жесть бумаги –
маги
пробирались дважды –
к тебе, к Мессии,
издалече...
Потому что – каждый –
Сын Человечий...

Каждая кровля – Вифлеем,
Из неровных
углов, из неровных
стен,
из углублений
в пещере,

из колыбели,
над которой
склоняются Дщери,

расправляя на тельце
Младенца
крестик из деревца,
который – свят...

На котором – Он будет распят...

* * *

***“...возносящийся от вас на небо,
приидет таким же образом...” Деян. 1,11***

Разлука – туга-дуга,
времени тягучего
излучина,
изломаны заросли-
берега
бережным абрисом
сердца измученного...

Сердце-лодку
из жизни-реки,
волоком,
ангелы-бурлаки
втягивают в облако,
рвущейся бечевой-
лучом...
Крыльям борющимся –
горячо...

Не отпускают травы зелёны –
Возлетающего с Елеона...

Голова запрокинута
по-птичьи –
матери покинутой –
птенца
отпускающей... Из венца-
облака падает роса – величья...

Две и более тысячи
лет
падает, тычется
дождем ответ-
грусть –

Я вернусь,
Я вернусь,
Я вернусь...

* * *

***“Так будем же, как пчелы терпеливы
И соберем по капле трудный мед!”***

Д. Кленовский

О, не стирай
старинный мед –
пчелиный рай,

свершивший лёт –
лазурью обернувший крыльев
полет –
даль горьких
линий,
чьим усиьем
воркуют створки –
складных сот.

За каплей капля, не спеша,
за словом – слово
смело
стынет...
Твоя – соловушка-
душа
по-русски пела
на чужбине...
Горчат слова,
чисты, как числа,
сквозь расстоянья
полусвет...
Час расставанья
был воспет,
укором –
след
твой в горней
выси...

Порою, пробираясь
там,

меж райских
зимних зал,
как в замке,
я замираю,
зная – сам
ты край строки
обводишь рамкой –

даль горьких
линий,
чьим усиьем
воркуют створки –
складных сот...
О, не стирай –
старинный мед,
пчелиный рай,
свершивший лёт...

* * *

***“Пусть упадет как беззаконница
меня водившая звезда...”***

М. Кузмин

Ангел в тучах, в лучах,
иль около –
у плеча
колет взглядом-соколом...

В крыльях сгорбленных –
у околицы,

он над прорубью
смертной склонится
скорбно,
крылья сложив неслышно,
чтоб
звезда по земле водившая –

днем, в ладони лучом упала,
болью став,
иль поняв –
устала

беззаконницей слыть –
вожатой,
в небесах быть –
судьбы заплатой...

Из стихотворений 2001 года

* * *

...как в *то* время, как в *тех* далях –
древних-дивных-давних –
как птицы,

ломтиками глотали
водицу –
родимую,

из Иордана,

эдемом сладимую,
с Авва-отчевым горчайшим вкусом,

пролистывали-читали
евангельские изречения
о Предтече,

о крещении
Иисуса –
и дни шли, как полыньи-проруби

в зимнем месяце,
когда спускаются с небес голуби,
когда крестятся...

Свеча

“И зажегши свечу...” Мф, глава 5

Не торопи меня тропой нагорной
ни вечером, ни в полдень, ни с утра,

ни речью-проповедью торной,
строка не вытянет, сорвет, крута,

не торопи, отверзши дверь, уста ли,
наследовать земле усталым вслед,

луч горний закален, как клин из стали,
не торопи, земли я соль, ты свет,

не торопи – нагорный холм, высотка,
куски тропы бег медлят, горячи,

я голос жгу заглавию коротким
зажженной и погаснувшей свечи,

и вновь горячей голосом нагорным...
Молитвой ночи кроткою – укрой,

не торопи меня тропую торной,
строкой, от трав предутренних сырой...

Лермонтов

*“А небо облачные почести Воздало мертвому певцу.”
Велимир Хлебников*

Речью прерывистых строчек скольжу,
сколь же речей над обрывом? –
я про Машук шепотком расскажу
верностью смерти красивой.

Молнии клонятся нивой огня,
честные почести неба,

мертвый певец донимает меня
гоном оленей, где б не был.
Средь облаков, облачась, до сих пор,
в горные строки растений,
мертвый певец смотрит ветром в упор
в строки молитвы оленьей.

Бога убитых, тройного, летуч,
луч снимет первую мерку,
отяжелит тень одеждою туч,
крепом скрепив, не померкнет.

Я шепотком про Машук расскажу,
тень над пятном Пятигорска,
внемя, кремнистую нить вывожу,
строчкой непрочной, как горстка.

Прелюдия Баха BWV639

“Даждь
мне...” – даже
насущенный
отравлен,
краюха, родившись манной,
сжалась до черствой горбушки.
Раной воздушной
мерзнут версты
там, где облаков овечье
руно
бестолковое...

Лунно
гнется подкова
млечная...
А тогда, кстати,
тогой пустыни, камчатная
скатерть
укрывала гряды обратной
стороны земли,
в южном штате,
где горы шли
пяти-верстным цирком,
в заморозки, над кирхой
протестантской новой
небеса рыл подковой
такой же младенец-месяц,
а внутри орган трубой
дымил, звуки сходились в фокус...
Я пробыла с тобой
больше чем месяц,
если календарю верить,
ты из труб отпускал опус
Баха шестьсот тридцать девять,
звуком – жизнь заглушал...
Я отыскала запись, знаешь?
Звук связан с клавишей,
как с душою душа...

* * *

Веточка в точеном кувшине

прячется влажной жилкой,

тянется к отставшей снежинке,
к следу-шепоту ее в вышине.

Точки две намечают ось,
от лунки – до звездной капли...

Веточка вырастает в трость,
весло, черенок, рукоятку граблей,

укрощающих строками склон
холма, окруженного впадинами...

Веточка, должно быть, услышит стон,
став креста перекладинами,

принимающими усталость рук,
словно перекладины кресла,

когда снят острием копья – испуг
у Знающего – душа воскресла...

И не надо ласковой поить слезой
веточку воскресшую, росточек,

душа уже вьется к лазури лозой,
от лунки – до звездной точки...

* * *

“Царство Небесное подобно зерну горчичному”

Тишайшим стражем – стебель слова ожил,
храня строку, вплетясь, как тень, в руно...
на малость милость Божия похожа,
на горстку, на горчичное зерно.

Возносит к будущему, незаметно,
порожек света в гаснущей душе,
но свет растет, как прибыль тонких веток,
привитых к вести утренней уже,

как дар гонца в начальных днях апреля,
как девичий ответный голосок...
Пшеничный луч теряется меж плевел,
но ты узнаешь вечный колосок,

и жатвы поздней отмечая время,
сорняк в снопы связуешь, чтобы сжечь,
чтоб незаметно выросшее бремя
пшеничное – по колоскам сберечь,

чтоб стражем слова – клин пшеничный ожил,
строки свивая вешнее руно...

На царство милость Божия похожа,
на малость, на горчичное зерно...

* * *

Кольца дней, ровный срез, бег
кругов, неизбежность,
но прилежной строки в жизнь
побежка легка,

с безмятежною ложью не спутаешь
нежность,
потому что, бесспорно, покорность
тиха.

Берестяными свитками держится
пламя,
с серебристых уступов сбивается
пыль,

укоряя покой, утвержденный
годами,
где колеблется штор бархатистая
быль.

Прячешь речи огонь, непривычный,
как внове,
принимаешь, его, потерянный как
дар,

и не знаешь, где ждет безудержности
жар –

то ли в долгой молитве, то ль в
кратком слове...

* * *

“В оркестре пело раненое море...” М. Кузмин

Оркестра морем плеск прибрежный
брошен,
вниманье глаз сплетает сеть улова,
ростком романа будущего в ложу
вошла она,
как с полотна
Брюллова,

вошла в стихи, пожало-
вана строчкой,
следящая за драмою смертельной,
не поправляя алого
платочка –
жемчужной бестелесности на теле –

оркестра плеском моря берег ранен,
адажио, анданте, дно сонаты,
за паром голубым –
зеленым краем,
за раем ледяным,
голубоватым,

вниманье глаз, жестокий

веер жеста,
где дирижер хранит истоки
нотны,
смычки срывают мерную дремоту –
безвольный стыд и вольное
блаженство...

Ростком романа будущего в ложу
вошла она,
как с полотна
Брюллова,
оркестра морем плеск прибрежный
брошен,
вниманье глаз сплетает сеть улова...

* * *

Мир, прочтенный от аз до ижицы...
Строчка движется рыжим лучом –
пусть последнюю мою книжицу
слух твой ловит, словно крючком.

Страниц кромки замкну тесемками,
грузом – памятный узелок,
жизнь моя пробежала строками,
жизнь твоя впиталась меж строк.

Речью лечится вечер раненый,

ночь-молчание – мечь двоим,
где второе мое дыхание
станет вздохом первым твоим.

Под апрельскою занавескою
жизнь разжатая, как ладонь...
Не хватает детали веской нам
чтобы фрескою стать одной...

* * *

Час бессонницы жесток,
но штрихи минут длинны...
Час высок, как завиток
времени, его волны.

Во вселенной Бог лишь спит,
шума времени лишен,
спит, молитвами укрыт,
видит жизнь твою, как сон.

Различая волны-дни,
словно всплески по реке,
Бог для времени хранит
души, спящие в руке.

Каждый сон Его – огонь
звездной капельки во мгле,
разожмет на миг ладонь –
и душа летит к земле...

* * *

***“Нам встречи нет. Мы в разных
станах...” А. Ахматова***

Встречи не ждем,
потому что в странах
разных живем,
далекий певец,
все же нам выпадет доля равная –
все же один примеряем венец,

брат мой, поникнем с одною раной,
я – на родной,
ты – иной
версте,
все же нам выпадет участь равная –
на кипарисовом стыть кресте...

Те же истоки –
едино мщенье,
те же пути – жестоки,
просты...
Все же – прошу у тебя прощенья,
также, как может быть – просишь
ты...

* * *

“Вольно я выбрала дивный град...”

Анна Ахматова

Средь влажных лип в перелесках темных,
в лад тополиной гонимой метели,
дай мне расслышать мотив бездомных,
скрип растущих мачт корабельных –

песню последнюю, ту что выше
древних лип в перелесках влажных,
дай мне мотив бесприютных расслышать –
с него начинается повесть каждая...

Чтобы сердцу казалась отрадой
песня, подслушанная неволью,
словно прошли незнакомым градом,
по переулкам Первопрестольной,
до окраин Новодевичьих,
чтоб с каждым шагом ясней казалось,
нам приют – в этом граде величья,
там где песня – бездомной осталась,

там где расстались мы с колыбельным,
снежным мотивом метелью гонимых,
в лад растущим стволам корабельным,
влажным, липовым, тополиным...

* * *

***“Помолись о нищей, о потерянной,
О моей живой душе...”*** Анна Ахматова

Свет тебе брезжит даже во тьме...
Мне же, униженной до пепелища,
что же делать, потерянной, мне –
помолись о душе моей нищей.

Нимбом меня обнимала мгла,
только ты – оставался светом,
только птицею петь могла
на – канатом натянутой ветви.

Благодаря за единственный дар
слова-эха в дневной пустыне –
слова-водицы в ночной пожар,
слова-птицы в предутренний иней.

Ты, как ангел указывал путь,
ты, как Бог дарил наказаньем,
если, былей ломая суть,
ложью плавилось строк сказанье.

Даже во тьме тебя метит свет...
Мне же, возвышенной до пепелища,
что ты можешь сказать в ответ? –
помолись о душе моей нищей...

* * *

“Твое присутствие, как город...”

Б. Пастернак

Ты здесь... Наш сон – в одной вселенной,
твое явление, как луч,
скрепивший брешь дождя бесценной
той нитью, вырванной из туч...

Ты здесь... Мы сведены соседством
в один просторный окоем,
в страницах разных жизнь и детство,
но в будущей строке – вдвоем...

Ты здесь... Где в рощице толпятся
березы, свившись за окном,
с листвою мелкой кроны снятся
тебе и мне потом... Потом...

Ты здесь... И нужно только вникнуть
в твой голос, вьющийся как плащ,
чтоб жизни жалобная книга
строку запомнила, как плач...

* * *

***“Дай и крыльям моим к тебе
прикоснуться!” Б. Пастернак***

Поцелуй на ладони печатью бессилья,
я к коленам твоим припадала в беде,
из молений моих птичьей сотканы крылья,
дай же ласточкам слов прикоснуться к тебе,

ты слова отвергал отречением веским,
ты не слышал в молитве – простого: прости,
только ангел склонялся с разрушенной фрески
к нам из выси, к которой так больно расти,

но от каждого вздоха огонь разгорался,
да от плача свечи на ладони печать,
только тенью на фреске твой облик остался,
да молитва что в пламя влилась горяча,

ангел к дням наклонен с горизонта-величья,
блик разрушенной фрески как прежде суров,
из молений моих крылья сотканы птичьи,
дай же к выси взлететь мыслям – ласточкам слов...

* * *

***“Предстанет вдруг событий
глубина...” О. Мандельштам***

Душа болит иной былиной,
когда былинкою бежит
по тропке сизо-голубиной,
где как слеза, роса дрожит –

по каменистой мчится тверди,
без вздоха, отдыха, иль сна,
но лишь во сне тропина смерти

мелькнет прерывисто-ясна,

но к смерти жизнь уже привита,
как к звуку долгому смычок,
в нее вращая частью быта,
застенчива, как новичок,

чуть горбясь веточкой корявой,
из ничего – в ничто, вольна,
любую нить вплетая в саван,
шелк паутины, волос льна...

* * *

Ни воды и ни хлеба, лишь слова ты просишь,
чтобы звук укорял все больней и больнее,
чтобы тебе тосковать, словно отрок Иосиф
в чужеземном Египте, возвышаясь, старея.

Закрывая глаза, ты глаголы склоняешь,
строишь в ряд, словно дни, что давно пережиты,
и родные слова, в дар травинкам слагаешь,
как ненужные, но дорогие пожитки.
Ты идешь по песку, что насыпан как время,
помня – замерли стрелки на мерке отплытья

к чужеродным краям, чьи законы, как бремя,
там где кончилась жизнь – но остались события.

исчезает навеки все – лишь остается
кем-то выпитый воздух, да хлеб что отравлен,
только песня родная до смерти поется,
открываясь душе не врачуемой раной...

Только слова ты просишь – ни воды и ни хлеба,
чтобы звук был короток, как пламя укора,
исчезает навеки все – тянется небо,
да песок под ногами, да времени шорох...

* * *

Вот оно, небо звездное твоей Вечери
предо мной на стене – лунный луч ловлю,
время мое позднее, время твое вечное,
я пред фрескою в свете резком стою.

Дни мои погублены, твои искалечены,
звездный луч из окна на стене рубцом,
и тенями лица склонившихся иссечены,
золотой овал стола завился венцом.

Будущего гонцы в Господней горнице,

от неба твоей Вечери стена светла,
только, как иуда, в круг ясный клонится
тьнь-предательница – ночная мгла.

Время твое звездное, время мое вечное,
я стою пред фрескою – резкий свет,
небо мое позднее твоей Вечери,
в каждом нимбе-луночке – лунный след...

* * *

***“И пью монашескую нежность
В сосредоточенных сердцах...”*** **О. Мандельштам**

Скорби-мои, плачи-мои умножатся,
осенние мои поникнут травы,
дни мои правые иль неправые
повлекутся к креста подножию,

там сорвется голос мой на тех нотах,
что ты пропеваешь голосом нежным,
достигая в неумолимости той высотной –
вершины кипарисовой безнадежной,

где лунный серп, изогнутый нимбом-бровью,
повторяется на ликах святых дважды,
где закат обливается той же кровью,
кипарисом впитанною однажды,

где вздыхает меж старых лохмотий,

обретенных по дороге в страстях,
призрак преображенной плоти,
распинаемой на звездных гвоздях...

* * *

Помнишь, мы разделили небо,
как когда-то делили ризы,
слева слышались плачи Глеба,
справа слышались плачи Бориса.

Помнишь, мы разделили дали,
луч рассек мир на две окраины,
на два рая, и в каждом Авель,
святополком-убитый-каином.

Жертвы две – дань на две ладони,
две ладьи в океане Господнем,
в черной ризе да в белой – кони,
братья едут спустив поводья.

Каждый ангелу равен – с неба
каждый облаком-вьется-ризой...
Если слева – молитвой Глеба,
если справа – молитвой Бориса...

Уход

Уйти... Оставив в тишине покорной

былое, что теперь принадлежа
другим, вернется в хаос черный,
петлей судьбы и в будущем держа

тебя, свиваясь жгучим тёрном,
цепляясь, чтобы ты не мог уйти,
но знал, тропа прочертит мир просторный,
качнувшись – от начального пути...

Уйти... Оставив в памяти прилежной
священный сумрак, стерегущий сад,
уйти, забыть, и знать что есть надежда –
идти вперед, но приходить назад...

Уйти, узнать иных обрядов цену,
стать пленником, как пленник волн Улисс,
и думать, что играешь роль на сцене,
но знать, что видишь зал из-за кулис...

Уйти, чтоб сделать шум чужой привычным,
забыв о тишине, что ждет, свята –
тропой ухода, линией безличной
намечена пред бездною черта,

но косо перечеркнутое детство
сбивает шум поющим голосом,
подходит близко, кажется соседством,
на мертвом поле – вечным колоском...

Уйти, чтобы по той тропе вернуться –

к той тишине, что не сумел забыть,
и не из чаши – как дитя, из блюда –
по сладким каплям горечь дней допить...

* * *

Тенью дней проденешься, придешь в срок,
перебежишь в безбрежье,
перетянешь между теньями черту,
вдохнешь между строк,
где горний воздух разреженный,
ничего не обещает, но высоту,

где можно ангела пролетающего трель
расслышать, угадать соль ноты,
увидеть крылышка лепесток –
облаком серебристым, как форель,
пересекающим пустоты – с запада на восток...

Покуда я тень твою зову,
растянутую сетью последней,
сплетенную из последних слов,
сны мои, сны мои о тебе наяву –
вылавливаешь серебряным бреднем –
сердце мое – твой вечный улов...

Царевич

“О убиенный, Ангел легкокрылый!”

М. Кузмин

Ангелу надо быть
в небе, то есть далеко, далеко,
где он недоступен мгле,
ангела убить
так легко, легко
на земле...

Каждое звено
в венце
сами плетем-творим,
строка-нить звенит давно:
“Ангела Моего пред лицом
посылаю – твоим...”

посылаю отрока-сынка
грозного царя,
в Углич, в угол-даль,
ранка его – желоб ожерелья-венка –
царствует, как заря,
мечется, как печаль...

Прибавилось тишины,
выше стал собор
Архангельский... Его лик
светится из старины,
миру дар – детский взор,
вечности вешний миг...

Ангела убить
так легко, легко
на земле –
ангелу надо быть
в небе, то есть далеко, далеко,
где он недоступен мгле...

* * *

В подземелье теней

голос лиры твоей,
голос птицы,
голос уст по уступам струится,

меж камней,
тень теней,
там томится –
Эвридика, подруга-сестрица,

но не смей,
мой Орфей,
в путь пускаясь за ней,
меж тенями теснясь, заблудиться...

К Эвридике теней
нет тропинки длинней –
голос-луч к ней
скользит, чтоб коснуться,

но не смей,
мой Орфей,
тенью ставь среди теней,
на любимую тень оглянуться...

К свету путь все ясней,
взгляд, коснувшись теней,
спицей
ранит подругу-сестрицу...

Но смей, мой Орфей,
Эвридике теней
только птицей,
иль тенью присниться...

* * *

***“Я сумела бы, друг,
подойти к твоему изголовью...”***

М. Цветаева

То, что плачет во мне, назови:
хочешь – смертью, а хочешь – сном,
я не знаю, что ближе к любви,
все – вмещается в сердце одном,

все – венком отгорожено рук:
тело, дух, иль желаний рой,
все – тобою очерченный круг,

не подругой там быть – сестрой...

Не унять над распятым огня
от лампы, к нему подойти,
чтоб увидеть твои пути,
отводящие от меня...

Все – венцом отгорожено мук:
рой желаний, тело, душа,
все – тобою очерченный круг,
тот, в который вошла, служа,

чтобы ждать лучезарного дня,
чтоб увидеть твои пути...
Не унять в твоём взгляде огня
от мучений – к нему подойти...

* * *

Уеду я в край предальний,
где тише рай и пустыней,
где сердцем стану печальнее,
где сердцем я не остыну.

Разлуки остры торосы,
над воском застынет фигурка,
сухие – прощальны розы,
любви – шагренева шкурка.

Прощально ладони горбим
и забываем главное:

груз дорог – дорожной скорби,
простоволосы жалобы.

Глаза, оглянувшись, сузим
вслед каждому, ставшему тенью,
и с плачем смешаем Музы
лед клятвы-разуверенья...

Торосы остры разлуки,
плывут капли воска – стаей,
прощальные розы с'ухи,
шагренева шкурка тает...

* * *

“Не называй меня никому...”

М. Цветаева

Придумаешь имя, но никому не скажешь,
имя - ангел, бремя его легко,
имя отпустишь во тьму, со мною свяжешь –
только имя может взлететь высоко.
Имя – последняя моя примета –
пусть цветет только на твоих устах,
когда ты вспоминаешь, плача, без света,
имя мое – единственное – из ста...

Имя – вздох, когда опускаешь вежды,
имя – для мира – небесная весть,
имя – для двух – будущая надежда,
если для каждого она есть...

Имя – подсказка, молитвы начало,
идущему во тьму – идущее вслед,
имя – венец, развязка печальная,
ореол, впитавший свет долгих лет...

Придумаешь имя – легче птицы,
никому не ведомое – тайна двоих –
имя мое – будет биться
крылами в крылья окон твоих...

* * *

“Утро. <...> Надо розы поливать.”

М. Цветаева

Если утро, вздохи реже,
потому что сны невинней,
потому что луч разрежет
утро на две половины...

Если полдень, плечи смуглы,
пыли пепельная пудра,
полдень, луч меняет угол,
удлиняя тени мудро...

Звуков вечера пролиты
капли с дальней колокольни,
вести ангела, молитвы,
луч лампы, блик невольный...

Ночь, немолчная цикада,
плач, чугунная решетка,
плащ, короткий луч лампы
битва теней, быстрых, четких...
Утро, свежесть, реже вздохи,
сон летучий, словно счастье,
потому что луч-пройдоха
утро режет на две части...

* * *

Уезжая, жалеть буду

ноты трудные
высоких твоих песен,
в бессонницу –
стихов груды,
да лунный в оконце –
перстень.

Из страницы
вчерашней
склею домик,
где склонится

тень твоя стражем,
где писем моих холмик
сгорбится скорбной башней.

Жалея, ждатель буду
скудный
шорох
небесной вести,
продевая строк ворох-
груды –
в лунный перстень...

Страницы
писем вчерашних
сомкну в холмик,
на миг тень моя склонится
стражем,
вспоминая о твоём – доме...

* * *

Бог оставил рядом с облаком птицу,
превращающую звук в песню,
ангела поставил меж тьмой и светом границей,
над звездой месяца нимб повесил,

Бог разрешил мне идти за судьбою
легкой нездешней поступью,
Бог заставил меня склониться пред тобою,
с горсткой слов – бисером-россыпью...

Бог поставил вопросы, да не дал ответа,
Бог прикинулся тишиною,
Бог оставил меня одну меж тьмой и светом,
меж хладным адом, да райским зноем...

Бог оставил меня рядом с облаком – птицей,
тенью летящею за судьбою,
Бог поставил меня – ангелом склониться –
пред тобою...

Из Бостонского дневника 11 сентября – 30 октября 2001

Время свешивается с башни,
стоящей гордо,
время падает бесстрашно
на мостовые твоего города.

Гроздь белая глицинии возле
стен домика деревянного
будут цвести после меня, после
тебя - цвести постоянно.

Потому, что башня сцеживает
время с часов городских,
к вечеру часы падают реже, реже,
чтобы чуть сдержанные минуты свежие
покалывали воздух, как ростки

чего-то... Может быть, будущего нашего...
Покалывали остро...
Время гремит с башни –
стонущего Бостона...

11 сентября, 2001 года

Слышишь, ветер в терновнике голос возвысил
И рассыпался искрами треск вересковый,
Кораблей силуэты, колыбельная мыса
С суховатым названьем, чуть резким – “Тресковый”.

И приспущен, как флаг, в вечер траура парус,
Грустен, рус, одинок, длит бессмертия вахту,
Как белеющий тот, у поэта-гусара –
Зарастает водой след лохматый от яхты.

Побережье... Кипит волн небрежная битва,
Белой пеной идут волны-агнцы, печальны,
И у Божья престола ветер всхлипнет молитвой

Чуть соленой от брызг и от слез поминальных.

Ветер голос возвысил над водою прозрачной,
И следы белых яхт пеной бешеной стерты.
Дням теряем мы счет, бесконечный, от плача,
Колыбельная боль, ветер, голос бессмертья...

Листьев бесшумные шхуны,
месяц осенне-юный,

нимб, что звезде доверен,
асфальтом размытый берег.

Свеча покидает комнаты –
пространство, что нас не помнит –

нас уступает времени,
пламя спадает, как бремя.

Час возрастает к ночи –
нам не открыть в одиночестве

обетованные земли,
ночь уже не приемля.

Ранних открытий обиды –
с печалью, которой Давиды

по-царски нас одарили,
поздно мы повторили...

Листьев бесшумные шхуны,
месяц осенне-юный,

в нимбе, чуть сбитом звездами –
берег, открытый поздно...

Колыбельная

Вечер робко
пробил
восемь,
плачь,
мой ангел –
в иней травы
прячет
осень
в старой
Англии.

Плачь,
младенчик,
спи, родной,

плачь
беспечно –
с двух сторон
стоим одной –
плачем –
вечности.

Мир не ценит
слез твоих –
ни единой –
спи, младенец,
плачь, мой стих,
с Катериной.

Восемь – чисто
пробил вечер
спи, мой ангел,
каждый листик
вспыхнул свечкой
в Новой Англии.

Мыс Манхэттена

Стоэтажные
башни
выскребли незаметно
бледные выси
на южном мысе
Манхэттена,
вдавленном

в дали Гудзона,
теперь там – зев зоны

опасной,
да неясный
блик неба,
повисший тупо
провалом-раной
там, где недавно,
как два зуба
младенческие,
неплотные,
стояли над речкою
два небоскреба, левее
Свободы
статуи – бесплодное,
бесследное
достижение
двадцатого бурного –
на Бродвее
продают последние
гравюрные
изображения...

Графики
этой бремя,
стекла и стали
жирфья
грация –
стали

непосильны цивилизации,
как время...
Осело
башен тело –
за мелкий грех
на глазах у всех,
пыль осела густо
на глазах у русской
эмигрантки,
по “статусу” беженки
сбежавшей на край света –
она мне вежливо
рассказала об этом
при свечах-лампах...
Вчерашняя
башня
плачет
отпечатками
на эстампах...

Вторая Колыбельная

Баю-баюшки, малыш,
павший с выси,
с каждым часом ты стоишь
ближе – к жизни...

Спи, мой листик – на листьях
быстротечность

осени.. В твоих глазах
точка-вечность,

словно речка у черты
(грань иного) –
взглядом скрадываешь ты
даль земного.

Баю, баюшки-баю,
в райских ризах
спи, а я тебе спою
все – о жизни...

С каждым часом – бытия
час дороже,
и растет в тебе, дитя,
образ Божий.

Баю, баюшки-баю,
спишь, капризный,
знаешь – я тебе спою
все – о жизни...

Я хочу, чтобы, как к тропе,
к влажным строчкам
ты ночью
приник,

пусть – темны, но сама по себе
горечь
музыки плещет в них,

слова всплески
войдут в песок
сочный –
времени, как прилив,
смысл, что если
и был высок,
сбился, жажды не утолив,

не достигнув гребня-черты,
где от слова дрогнет
душа,
я хочу, чтоб поверил ты
в слово, горне,
как “Отче наш”,

даже если звук не похож
на былую жизнь, если груб,
в час, когда ты
произнесешь,
он крылат,
словно гимн из труб,

он остудит
осеннюю высь,
иль разбудит,
как будущий зов

труб, что над горизонтом
взвились,
если есть еще – горизонт...

19 октября

Деревья от ветра не гнутся,
упрямы –
а нам с тобою так не сумеь –

очнутся,
поймут, что окончена
драма,
что осень прострочена
ниточкой “смерть”...

Не станут уже ни моложе,
ни старше,
разложено
дерево жизни
на сруб,

но музыка брызнет
серебряным
маршем
из дрогнувших мерно
архангельских труб.

Листва на устах

отлетает так просто,
там – высью клянется
кленовый дымок,

там – Петр отзовется,
веселый апостол,
на райских вратах
отворяя замок.

Росой серебристой
омочены
губы,
в последней попытке
безумствует медь,

выводят неистово
гибкие трубы,
что осени ниткой
прострочена
смерть...

Благословенье Бога – кроткий луч,
что лиц коснувшись, спицей
ускользает,
когда бледнеют лица,
вздых летуч,
луч – наши тени-мотыльки пронзает.

Благословляю вешний
водоем,
венец заката в ветхое оконце,
что в неутешном
странствии моем
как веха горизонта остается.

Сквозь горизонт, горящий
край земли,
тропа пространству место уступала,
прощаясь
с нами лентою вдали,
где от моей – твоя тень отступала.

Благословляю – руки
в тишине,
рассвет разлуки,
дней иных начало,
когда ты воскресаешь в каждом сне,
но так, чтоб я об этом не узнала.

Благословляю рябь звезды в волне
в добытой с плеском
из колодца чаше,
когда над ней склонившись, в тишине
вдруг проступают резко
тени наши.

Благословляю той звезды плавник,
что к Рождеству в сладимой отразилась

водице,
чтобы луч проник
в страницу
ту, что к дням твоим прибилась.

“Над сколькими безднами пела...”

А. Ахматова

Над каждою бездной земною,
над адом я пела, над раем,
над вольной твоей тишиною,
в неволе, над светом, над краем.

Ты был окружен жизнью-чащей,
я путь пролагала короче,
чтоб ты выбирал его чаще –
прерывистый путь моих строчек.

Но жизнь усложняла узоры,
угроза разрыва дрожала,
из слов вырастали озера,
и каждое – нас отражало

и в круг замыкало непрочный,
свивая в пустыне над каждым
тот ржавый колючий веночек,
что в небо вращается однажды.

Горний воздух смертельно разрежен,
вечность сложена из пустоты,
той, где облака очерк небрежен,
влажно слажен из тропки-черты.

В высоту путь намечен еле
паутинкой в осеннем саду,
иль полетом бесцельным качелей,
с их паденьем лишь сердце в ладу.

Нити спутанных веток акаций
замедляют предсмертный взмах,
листьев плеск, словно шорох оаций,
как судьбы завершение, иль крах.

Мысль привязана к мысли вчерашней,
рвущей звуки, хранящей слова –
“Будет Рай мучительно страшен –
если память там будет жива”.

Рай качнется прозрачным обманом –
духов светлых чужою толпой,
промерцает исклотой раной,
не изжитой в сердце судьбой.

Посвящается Марии

Стынут рощи блаженно-пугливы
за рябинной ноябрьской межой,
ты пройдешь Эвридикой счастливой

за орфеевой феей-душой.

Меж осенних шуршащих пристанищ,
ты пройдешь, и тебе не устать –
за листвой, исполняющей танец
в круге горнем – за ним – благодать...

Горизонт утопает в закате,
мы когда-нибудь спросим – куда?
За уход нам послушно отплатит
промелькнувшая в Млечном звезда.

Лебединые вспыхнут тромбоны
по листве пробежишь ты , пыля,
за рябые ноябрьские склоны,
в увлеченные плачем поля.

Ты пройдешь Эвридикою-феей
за межу обреченных рябин,
за оглядкой влюбленной Орфея
к бликам света из блеклых глубин...

***“Против воли я твой, царица, берег
покинул...” Энеида, песнь 6***

Слово помнит
высокий шесток,
забывая земные обиды,

слава клонит
строку Энеиды,
цвет цитаты из песни шестой.

Покидаем
свои берега
против царской, иль Божьей воли,
в час, когда мы
не чувствуем боли,
и разлуки спокойна река.

Друг о друге умеем молчать,
сжаты губы молитвой
одною,
тени слиты
одной тишиною –
той пустыни, где крест, как печать,

где распятем
спасается честь,
для объятья
раскинуты руки,
где в одной забываемся муке,
где надежда едина, как весть,

где разлукой сюжет
искажен,
как черты на прижатом портрете,
где не зная о будущем свете,

тьнь друг друга уже
бережем...

Нет, голгофа-земля перед нами
не горит, леденеет, оснежена,
но дороги пали крестами,
на дорогах – сыны повержены...

От Крещенской купели до Троицы,
по тропинкам, завьюженным прядям,
по дорогам идут богородицы –
от распятия, до распятия...
Каждый сын далекий – великий,
каждый сын оплаканный – вечен,
и склоняются светлые лики
над дорогами, в белых венчиках...

Но сынов еще не воспели,
только плач взнесли богородицы –
к горизонту, к снежной купели,
над дорогами, к Божьей околице...

Книгу об ангелах читаю,
строки стекают
рекою

со страницы,
на половицы,

тают,
светят,
образуя озера покоя
на зеркальном паркете.
Нет, не рукою,

устами
сними усталость
бесконечную –
сколько дней
мне
осталось
до вечности?

Не знаю,
но вечность снится,
пока считаю
в книге об ангелах – страницы...

“Закрыта дверь, и заколдован дом...”

А. Ахматова

Лён полотенца,
восковая свечка,
закрыта дверца,

будто бы навечно.
Дом заколдован:
голубых глициний
живой волною,
памятью о сыне,
водой холодной,
чашею из глины
дом заколдован
вечным сном о сыне,
чей голос тает
эхом-тенью в нише,
всё – тишина смывает,
слов не слыша...

Лён полотенца,
свечка восковая
горит, как в детстве,
тени созывая...

**Если будет дано умереть на святом месте,
закрывая лицо ладонями-латами,**

голос твой вернется с жизнью вместе,
голос твой, незабываемо-крылатый.

Если будет дано умереть смертью ранней
– можно ли вообразить себе участь лучше? –

вздروгни, вспоминая обо мне, странник,
провожая меня вместе с солнцем летучим.

Даже если никогда не попадем в святые,
все ж не будем прокляты небесами,

потому что дни-завесы, из лучей свиты'е,
шепчут нашими словесами,

потому что, даже если сердцем устали,
иль устами – перечислять обиды –

пусть нас судят боги в той дали –
по книгам, которые никогда не выйдут...